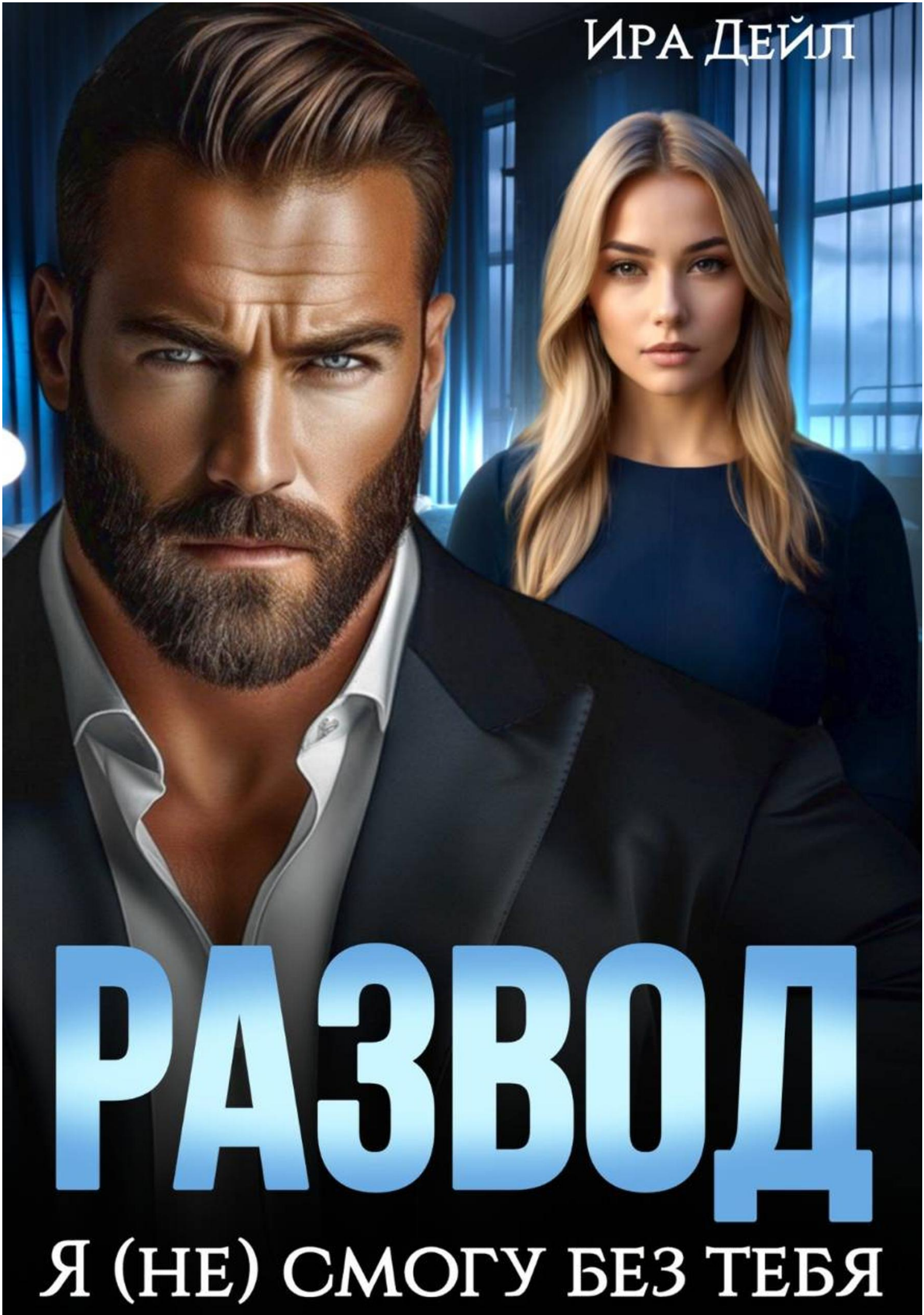

Ира Дейл
РАЗВОД
Я (НЕ) СМОГУ БЕЗ ТЕБЯ

Ира Дейл

Развод. Я (не) смогу без тебя

«Автор»
2026

Дейл И.

Развод. Я (не) смогу без тебя / И. Дейл — «Автор», 2026

— Нравится? — мурлычет Алина. — Лана этого не делает, да? Она такая ханжа.— Хватит разговоров, лучше займись делом, — охрипший голос моего мужа отдается острой болью в моем сердце.— Когда ты, наконец, разведешься? Тогда нам бы больше не пришлось скрываться.Десять лет брака, малютка-сынишка, поутихшая страсть в отношениях и надежда возродить все вновь, когда я получаю сообщение от мужа с предложением провести время вдвоем в загородном доме, купленном Егором специально для меня. Но, приехав на свидание, я никак не ожидала увидеть измену мужа с моей лучшей подругой среди лепестков красных роз.

© Дейл И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 15
Глава 7 17
Глава 8 19
Глава 9 21
Глава 10 23
Глава 11 25
Глава 12 27
Глава 13 29
Глава 14 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Развод. Я (не) смогу без тебя

Глава 1

Лепестки красных роз разбросаны по полу просторного светлого холла с несколькими деревянными дверями, ведущими на кухню, в гостиную и кабинет. Прослеживаю за ними, натыкаюсь взглядом на лестницу, расположенную напротив входа. Откуда-то доносится приглушенная мелодичная музыка.

В животе начинают порхать бабочки, прикусываю губу, задерживаю дыхание. Неужели Егор решил постараться для нас? Вот только стоит мне уловить сладкий, очень сильно знакомый аромат парфюма, улыбка медленно спадает с губ. Дрожь сотрясает тело. Телефон, который я все еще держу в руке, так и норовит выскользнуть из резко похолодевших пальцев.

Этого не может быть… этого просто не может быть…

Бросаю взгляд в сторону, сразу же цепляюсь за знакомые кожаные ботинки моего мужа, стоящие у деревянного комода с обувью. Именно в них Егор сегодня уходил на работу. Но не они заставляют меня прирасти к полу, а стоящие рядом красные лодочки… очень знакомые красные лодочки.

Дыхание перехватывает. Горло сдавливает.

Прикрываю глаза.

«Думай, Лана, думай!», — повторяю мысленно, словно мантру, пытаясь вернуть себе самообладание.

У меня есть вариант: просто развернуться и уйти. Притвориться, что ничего не видела. Забыть обо всем. Просто вернуться в свою спокойную, размеренную жизнь, но…

Я не могу жить во лжи! Просто не могу!

Я должна знать, права ли. Иначе изведу себя окончательно. Иначе сойду с ума!

Поэтому вместо того, чтобы развернуться, выбежать через все еще открытую дверь, делаю шаг вперед. А потом еще один. И еще.

Дорожка из лепестков роз ведет меня на второй этаж нашего с мужем загородного дома. Не чувствуя ног, следую за ней. Темно-синее расклешенное от пояса платье колышется у колен. Гулкий стук каблуков ощущается словно удары по вискам. Кончики пальцев покалывает, сердце болезненно сжимается.

Кое-как пересекаю белоснежный с элементами дерева холл, останавливаюсь у лестницы. Поднимаю голову, смотрю наверх.

Счастливое воспоминание вмиг вспыхивает в голове.

— Этот дом… наш? — разворачиваюсь в объятьях Егора, заглядываю в его мужественное лицо. — Правда? — с надеждой смотрю в голубые глаза мужа.

— Ну-у-у, ты же его хотела, — Егор пожимает плечами.

— Я думала, что мы просто снимем его на лето, — дыхание перехватывает. — У нас же нет таких денег, — горло сводит, когда я понимаю, что мечта может ускользнуть прямо из моих пальцев.

— Я взял ипотеку, — Егор наклоняется и целует меня в кончик носа. — И планирую ее закрыть до конца года. Дела в бизнесе пошли в гору, — сильнее вдавливает меня в свое тело.

— Правда? — надежда крылышками бабочек начинает порхать в животе. Егор кивает. — Я так рада, — улыбка расплывается на моем лице, бросаюсь мужу на шею. — Ты справился! Я ни на секунду в тебе не сомневалась! Ты мой герой! — слезы счастья наполняют глаза.

— Мы справились, — Егор оставляет быстрый поцелуй на моей макушке, на мгновение отстраняет меня от себя, заглядывает мне в глаза. — Без тебя ничего не было бы, — про-

износит проникновенно. Мое сердце пропускает удар. Не проходит и секунды, как Егор подхватывает меня, как невесту, на руки и начинает подниматься по этой самой лестнице. — Предлагаю сначала опробовать кровать, — шепчет он мне на ухо. — В бизнесе проблемы улажены, а теперь пора подумать о детях. Согласна? — подмигивает мне, а уже через мгновение обрушивается на меня в поцелуе, в очередной раз забирая мое сердце.

Это было восемь лет назад.

Восемь лет назад муж подарил мне дом моей мечты, а сегодня…

Мотаю головой. Нет. Не верю. Он не мог его осквернить, тем более с… Но я должна проверить! Должна убедиться!

Шаг за шагом, ступенька за ступенькой преодолеваю расстояние до второго этажа. Оказываюсь в квадратном мини-холле с бежевыми стенами и тремя дверями: двумя по бокам, и одной — прямо передо мной. Именно к ней ведет дорожка из лепестков роз. Именно за ней находится хозяйская спальня. Именно она приоткрыта. Полоска желтого света, словно стрелка, падает на пол, указывая мне путь.

Колени подгибаются. Хватаюсь свободной рукой за стену, опираюсь на нее.

«Еще есть шанс уйти», — подкидывает идею внутренний голос.

Нет!

Я должна увидеть все своими глазами!

Набираю в легкие побольше воздуха, выпрямляюсь, заправляю светлые до плеч волосы за уши и снова начинаю двигаться, наступая на лепестки роз.

Вот только стоит мне приблизиться к двери, снова застываю, так как до меня доносится знакомый женский голос:

— Нравится? — мурлычет девушка. — Лана этого не делает, да? Она такая… ханжа, — буквально выплевывает последнее слово.

— Хватит разговоров, лучше займись делом, — охрипший голос моего мужа отдается острой болью в сердце. Хватаюсь за грудь, сжимаю платье в кулак в попытке заглушить разрастающуюся агонию.

— Когда ты, наконец, разведешься? Тогда я смогла бы ублажать тебя хоть каждый день, — под конец голос девушки звучит совсем глухо.

А уже через мгновение раздается гортанный стон Егора.

Слезы застилают глаза. Становится так больно, словно каждую клеточку моего тела протыкают острыми иглами и вдобавок вгоняют их все глубже и глубже.

Я даже дышать не могу… не могу…

Мне не показалось… не показалось…

Нужно просто уйти, избавить себя от страданий. Но я, наверное, мазохистка раз вместо этого толкаю дверь. Она со скрипом открывается, а я наяву вижу самый настоящий кошмар.

На кровати, укрытой бордовым покрывалом, сидит, прикрыв глаза и расставив ноги, Егор, а между его бедрами поднимается и опускается блондинистая голова Алины — моей лучшей подруги.

Телефон выскальзывает из онемевших пальцев. С грохотом падает на пол. Егор распахивает веки, Алина отрывается от своего занятия, оглядывается через плечо, а я… машинально опускаю голову на телефон.

На разбитом экране до сих пор виднеется сообщение от Егора:

«Жду тебя сегодня в шесть в загородном доме. Проведем время вдвоем».

Глава 2

Слезы льются по щекам. Тело немеет. Не могу пошевелиться. Мозг отказывается соображать. В голове никак не укладывается сцена, которую я только что увидела. Колени в очередной раз подгибаются, хватаюсь за дверной косяк в попытке устоять.

Мой муж и моя лучшая подруга… какое же… клише!

Горестный смешок вырывается из моей груди.

— Лана? — голос мужа звучит словно издалека. До меня доносятся шорохи, «вжик» молнии, звон пряжки ремня, тяжелые шаги. — Лана, что ты здесь делаешь?

Вздергиваю голову, вижу быстро приближающегося Егора. Черты его лица заострились, а в глазах нечитаемое выражение.

Сердце пускается вскачь.

— Стой! — выпаливаю, выставляя руку перед собой.

Удивительно, но Егор застывает. Окидываю его быстрым взглядом. Белая рубашка распахнута, выставляя напоказ стальные мышцы груди. Широкие плечи напряжены, расправлены. Пальцы сжаты в кулаки. Черные брюки застегнуты, зато ремень болтается на петлях. Даже несмотря на то, что спальня с коричневыми стенами просторная с минимальным количеством мебели: шкафом в углу, широкой кроватью, прикроватными тумбочками, двумя бордовыми креслами и стеклянным журнальным столиком у окна, — муж не теряется на ее фоне. Наоборот, стоит посреди комнаты и выглядит, словно злобный великан с тремя глубокими морщинами на лбу, нахмуренными бровями и раздувающимися ноздрями.

— Как ты мог? — шепчу, качая головой. Перевожу взгляд за плечо мужа, сосредотачиваюсь на Алине. — А ты? — неверяще смотрю на подругу.

Алина в черном кружевном белье стоит чуть поодаль Егора и… ехидно улыбается. Стоит ей поймать мой взгляд, как она выгибает бровь, будто бы говоря: «А что такого?».

Теряю не только дыхание, но и дар речи.

Мы же с Алиной дружили еще со времен университета. До сих пор помню, как в первый день занятий две маленькие, напуганные, студенточки сели рядышком в огромной аудитории. Скромно поздоровались друг с другом, представились, улыбнулись. С тех пор так и сидели до самого выпуска. После окончания университета наше общение не прекратилось, ведь мы стали по-настоящему близки. Алина была свидетельницей на моей свадьбе. Я же поддерживала подругу, когда она родила ребенка от своего первого парня, с которым они были вместе еще со школы и который бросил ее беременной. Потом утешала ее, потому что этот инфантильный козел даже не пришел на выписку Алины из роддома. Единственный раз, когда мы с подругой очень сильно поругались — из-за того, что она отдала ребенка на усыновление, хотя знала, что я буду помогать ей всеми силами. Пару месяцев мы даже не общались. Мне понадобилось время, чтобы смириться с фактом, что Алина вот так просто отказалась от малыша. Ведь у самой все никак не получалось забеременеть, хотя я на тот момент уже три года была замужем. Только спустя девять лет брака у нас с Егором появился прекрасный малыш, а Алина стала его крестной…

— Какая же ты все-таки… дрянь, — качаю головой, пытаясь остановить рыдания, рвущиеся наружу. Жаль, что слезы так просто остановить не получается.

Глаза Алины на мгновение округляются, а уже в следующее — сужаются. Она упирает руки в бока, чуть склоняет голову набок, прежде чем выплюнуть:

— На себя посмотри, — проходится по мне пренебрежительным взглядом. — В кого ты превратилась? Теперь понятно, почему он, — указывает головой на моего мужа, — тебя не хочет! — злобно выплевывает.

Ярость жгучими полахами распространяется по телу, не заменяет боль, но подпитывается ею, с каждой секундой становясь все сильнее и сильнее.

— Я только ребенка родила, — шиплю, расправляя плечи и делая шаг вперед.

Краем глаза замечаю, что Егор напрягается, но не успевает ничего предпринять, как Алина его опережает:

— Я тоже рожала, и что теперь? — выпячивает вперед свой плоский живот и обтянутую черным кружевом идеальную грудь. — Это не повод себя запускать!

Неуверенность на мгновение вспыхивает во мне, но быстро тает под давлением гнева.

— То есть, ты из-за меня решила переспать с моим мужем? Пожалела его? — цежу, сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как самообладание начинает покидать меня.

В голове я уже давно оттаскала подругу-предательницу за волосы, залепила ей смачную пощечину, выгнала с голой задницей на улицу, но меня останавливает только одна мысль — я не хочу опускаться до ее уровня! Только лишь поэтому стою, не двигаясь, но сила воли начинает покидать меня, а коварная ухмылка подруги и блеск превосходства в ее зеленых глазах постепенно подводит к черте невозврата.

— Я его не заставляла. Он сам хотел! — с придыханием произносит Алина, вонзая нож мне в спину.

Срываюсь с места, но даже приблизиться к подруге не успеваю, как Егор закрывает ее собой. Спотыкаюсь. Замираю. Не дышу, пока до затуманенного гневом и болью мозга постепенно доходит простая истина — мой муж защищает свою любовницу от… меня.

Глава 3

Егор выбрал ее, а не меня! Это осознание выбивает из меня дух, заставляет покачнуться. Перевожу шокированный взгляд с Егора на Алину и не могу толком вздохнуть.

— Достаточно! — рявкает муж, бросает взгляд через плечо, жаль, что я не успеваю рассмотреть, какие таятся эмоции в его глазах. Но судя по тому, что Алина тушуется, делает шаг назад, врезаясь в изножье кровати, и даже голову опускает, там нет ничего хорошего. Вот только не проходит и пары секунд, как Егор снова сосредотачивается на мне. — Я спросил, что ты здесь делаешь? — рык мужа не сразу доносится до моего шокированного сознания.

Перевожу опустошенный, полный боли взгляд на него. Слезы, которые ни на секунду не переставали течь, сейчас едва ли не в нескончаемый поток превращаются. Взор окончательно размывается. Дрожу так сильно, что даже ногти, которыми я впилась в ладони, не помогают прийти в норму. Я не чувствую физической боли. Совсем. Зато душевная заполоняет все внутри.

— По-моему, это и мой дом тоже, — голос больше напоминает скрип, из-за еле сдерживаемых рыданий. — Почему ты… с ней… — не могу даже произнести этого вслух, от одной мысли становится противно, тошнота подкатывает к горлу.

Судорожно вздыхаю, пытаюсь взять себя в руки, но не получается.

— Возвращайся к сыну, — чеканит муж, поджимая губы. — Приеду, поговорим!

Вздергиваю голову. Хватаю ртом воздух. Неверяще смотрю на Егора. Он выгоняет меня? Выгоняет из собственного дома, чтобы остаться здесь с любовницей?

— Это мой дом! — голос хоть и сипит, но не дрожит. — Мой! — злость снова вспыхивает в груди, проносится жгучей лавой по венам. Не соображаю, что делаю, когда отталкиваюсь от пола, в два широких шага преодолеваю расстояние между мной и мужем и изо всей силы толкаю его в грудь. Он даже не шатается. — Это мой дом, а ты… — толкаю снова. — Ты… — и снова.

Егор перехватывает мои запястья, одним резким движением притягивает меня к себе. Вдавливает в свое тело, заводит наши руки за мою спину. Мне приходится запрокинуть голову, чтобы заглянуть в голубые глаза этого предателя.

— Отпусти, — выплевываю. Бесполезно. Егор даже ухом не ведет. — Не смей трогать меня после… нее, — шиплю не хуже дикой кошки. — Пусти, — дергаюсь, но толком пошевелиться не получается, из-за чего я злюсь еще больше. — Скотина… сволочь… гад… кобель… — всеми силами пытаюсь вывернуться из хватки мужа, вот только он не отпускает. Я лишь себе делаю больнее — запястье жжет, плечи ноют. Когда до затуманенного злостью мозга это доходит, застываю. Делаю глубокий вдох, медленно выдыхаю. Снова заглядываю в глаза предателю. — Отпусти меня! — цежу.

Егор пару секунд не двигается, а следующую — выгибает бровь.

— Успокоилась? — произносит равнодушно, чем бесит меня еще больше.

Шумно выдыхаю, открываю рот, чтобы все высказать подлецу мужу, но сразу же захлопываю его. Потому что понимаю — не поможет. Егор меня в любом случае не услышит.

Глядя сейчас в голубые глаза моего мужа, понимаю, что я совсем его не узнаю. Егор, которого я помню… мой Егор никогда бы не опустился до измены. Мой Егор всегда был чутким, заботливым. Мой Егор любил меня.

Мужчина же, который стоит передо мной и смотрит на меня, словно я ничего не значу, жесткий. Я бы даже сказала беспринципный. Этот мужчина совсем не думал о моих чувствах, когда позволял себе прикоснуться не просто к другой женщине, а моей лучшей подруге! Этот мужчина позволил ей удовлетворять себя! Этот мужчина предал нашу семью!

Именно сейчас понимаю — между нами все кончено!

Личико нашего годовалого сынишки встает перед глазами. Дениска так плакал сегодня, когда я уходила. Сидя на коленях у бабушки, постоянно тянул ко мне ручки, словно чувствовал, что мамочке будет больно. Господи, как же мне воспитать его в одиночку?

Так! Нужно взять себя в руки. Вернуться к сыну и…

А что дальше? Разводиться? Да, разводиться! Я не смогу жить с человеком, который разрушил нашу семью ради… Ради чего? Понятия не имею! И знать не хочу!

Если ему так нужна Алина, пусть забирает свои вещички и валит к ней! Я держать не буду! Да, поначалу мне будет жутко больно. Я буду ужасно страдать, даже, скорее всего, несколько ночей проведу без сна, захлебываясь слезами. Но, в итоге, соберу себя по осколкам, встану на ноги и справлюсь со всем, что ляжет на мои плечи! Справлюсь со всем сама… без человека, которого любила… люблю каждой частичкой своей души.

— Убери от меня свои грязные руки, — произношу как можно тверже, хотя меня трясет от сдерживаемых эмоций. Егор лишь сильнее поджимает губы. — Убери, я сказала! — дергаюсь, из-за чего резкая боль стреляет в плечах. Стон срывается с губ.

Егор хмурится, после чего разжимает пальцы.

Я тут же пользуюсь предоставленной возможностью, делаю шаг назад. Окидываю когда-то родных людей презрительным взглядом, чувствуя, как меня изнутри раздирает агония. Но все равно гордо поднимаю подбородок и разворачиваюсь.

Вот только стоит мне сделать шаг, как что-то пинаю. Телефон, на котором все еще горит экран, проскальзывает по полу и выезжает в коридор, словно указывает мне путь, как когда-то лепестки роз. Следую за ним, на негнущихся ногах выхожу в коридор. Быстро наклоняюсь, подхватываю гаджет и сразу же несусь к лестнице. Но даже пару шагов не успеваю сделать, как мне в спину прилетает насмешливый голос моей подруги:

— Правильно! Убирайся отсюда, тебе здесь делать нечего! Я тут сама справлюсь!

Замираю.

Глава 4

«Тебе должно быть стыдно», — просто сказала я, и, даже не обернувшись, направилась к лестнице.

Не помню, как спустилась на первый этаж… как вышла из дома… как села в машину…

Очнуться получается только посреди трассы за рулем, в одиночестве. Слезы застилают взор, ничего не вижу… совсем.

Резко сворачиваю к обочине. Бью по тормозам. До боли в костяшках стискиваю руль, пока не останавливаюсь окончательно. Сердце так бешено колотится, что, кажется, вот-вот пробьет грудь. Дыхание спирает. Горло сдавливает. Меня трясет. Так сильно трясет, что зубы стучат.

Господи, кто в таком состоянии садится за руль? О чем я, черт побери, думала?

«Я не думала», — тут же вспыхивает в мыслях. — «Совсем…»

У меня в голове застряло воспоминание о муже, сидящем на кровати, с широко разведенными ногами и Алиной на коленях в окружении лепестков роз. Слишком четко вижу, как ее голова поднимается и опускается… поднимается и опускается… поднимается…

Всхлипываю. Снова. И снова.

Слезы начинают литься еще сильнее. Рыдания рвутся наружу. Я больше не могу их сдерживать… не могу…

Кое-как заставляю себя разжать пальцы, откидываюсь на спинку сидения, прикрываю рот холодной… нет, ледяной ладонью. Пытаюсь заглушить боль, которая вырывается из меня вместе с рыданиями. Но ничего не получается. Я словно в одну большую открытую рану превращаюсь. Такое чувство, что в меня воткнули тысячи кинжалов, а потом безжалостно вытащили их, заставляя меня истекать кровью. Я просто не могу дышать… не могу…

Наверное, во мне живет мазохистка. Иначе, как объяснить тот факт, что я раз за разом прокручиваю произошедшее в голове. Не знаю, что хочу увидеть. Не знаю, что хочу найти. Возможно, надеюсь заметить на жестком лице мужа хоть толику раскаяния. Или просто я не могу поверить, что пережила кошмар наяву?

Никак не получается избавиться от ощущения, что я сплю. Кажется, мне просто нужно проснуться, открыть глаза и все будет, как прежде. Наша семья: я, муж и наш малютка-сын, останемся вместе. Нас никто не сможет разлучить. Мы будем счастливы… так счастливы. Но… все это просто вымысел, игра моего воображения, заветное желание. Наша семья разрушена. Наше будущее разбито о скалы измены. Моя любовь к Егору… она все еще на месте, отчего еще больнее.

Из меня словно заживо вырвали сердце, разорвали его на мелкие кусочки, а ошметки засунули обратно.

Боль предательства… она такая жгучая, что выжигает душу из раненого тела. Даже слезы, которые все никак не прекращают течь из глаз, не могут потушить пожар внутри меня.

Как у нас с Егором все могло закончиться… так? Когда все полетело к чертям? Возможно, у нас и не было все гладко. Мы отдалились. Особенно, после рождения сына. Но почему Егор просто не мог поговорить со мной? Зачем было…?

Я же знаю, мы любили друг друга. Так сильно любили, что иногда казалось, чувства затягивают с головой.

Еще в университете Егор забрал мое сердце, а потом… когда мы встретились вновь, вернул его мне. Сегодня же… сегодня уничтожил жизненно важный орган окончательно.

Как могло такое произойти, что еще утром муж целовал меня на прощание, а вечером… вечером изменял с другой? Не просто с другой, а с моей лучшей подругой?

Не знаю, сколько сижу в машине посреди трассы, рыдая в голос. Скорее всего, проходит много времени. Слишком много. Но, в итоге, вся боль выходит из меня, оставляя на своем месте пустоту. Ледяную, темную, гнетущую.

Но лучше она, чем непрекращающаяся агония.

Слезы, в конце концов, тоже высыхают. Горло жутко саднит, но это ожидаемо.

Милое личико сынишки вспыхивает перед глазами. Уголки губ дергаются вверх. У меня остался только он. Ради Дениски я должна быть сильной. Должна взять себя в руки. Должна разработать план, что делать дальше.

Сначала нужно вернуться домой, а потом… Позже решу, что потом. По одному шагу за раз.

Шмыгаю носом, пытаясь его прочистить. Судорожно вздыхаю и дрожащими пальцами завожу двигатель. Сосредотачиваюсь на дороге, а где-то за час доезжаю до дома. Белая бетонная многоэтажка встречает меня холодом. Она своим видом будто отгоняет меня, отторгает. Ощущение, что я скоро покину это место, не покидает, даже когда я поднимаюсь на десятый этаж. Понимаю, что мне придется уйти, но явно не сейчас. Поэтому спокойно открываю дверь своим ключом и захожу в просторную прихожую с бежевыми стенами, которые переходят в длинный коридор.

Сбрасываю туфли, по привычке ставлю их в обувной шкаф. Ключи бросаю на деревянную тумбу с духами и всякими мелочами, стоящую у стены чуть поодаль. В зеркало на противоположной стене не заглядываю. Боюсь даже представить, как сейчас выгляжу. Скорее всего, напоминаю призрака с потекшей тушью. Но это неважно. Единственное, чего я хочу — взять на руки сына, прижать его к груди, вдохнуть сладкий детский аромат и ощутить, что не одна. Я теперь никогда не буду одна.

— Что-то ты рано, — доносится до меня тихий голос мамы. — Дениска, всего пару минут назад покушал и сразу же уснул, — она выходит из гостиной, ее темно-зеленое платье в пол почти полностью закрывает худощавое тело, а светлые волосы затянуты в тугой пучок. Я почти точная копия матери. Только она старше, и у нее на лице начали появляться глубокие морщины. — Что случилось? — мама застывает, когда видит мое лицо. Сразу же, сужает глаза, пристально осматривает.

— Егор мне изменил, — само вылетает. Видимо, мне нужно было с кем-то поделиться, иначе ужас происходящего сожрал бы меня без остатка.

Слезы вновь наполняют глаза. А я думала, что все выплакала.

Мама быстро пересекает расстояние, разделяющее нас, берет мои ледяные руки в свои, согревает.

— Ты уверена? — спрашивает мягко, но пронзительного взгляда от моих глаз не отводит.

— Я видела, — сиплю, слезинка все-таки скатывается по щеке.

Мама ее ловит, стирает большим пальцем, после чего кладет ладонь мне на щеку, нежно поглаживает, при этом не прекращая сжимать мои пальцы второй рукой.

Мое замерзшее сердце начинает оттаивать. Пустота внутри постепенно заполняется. Облегчение разливается по телу — да, я не одна. Я все-таки не одна. Вот только не успеваю до конца расслабиться, как до меня словно издалека доносятся слова, произнесенные успокаивающим маминым голосом, но в то же время вонзаясь острыми иглами в сердце:

— Ну ничего, с кем не бывает. Не переживай, вы это преодолеете. Все у вас будет хорошо.

Глава 5

Хлопаю глазами. Смотрю на маму и… не узнаю.

Возможно, я ослышалась? Может быть, у меня галлюцинации?

Моя мама не могла сказать, что мы с Егором преодолеем измену. Измену!

Вот только, сколько бы я ни вглядывалась в зеленые глаза мамы, не вижу в них ничего, кроме твердости. Женщина, которая меня родила… которая должна быть для меня самым родным человеком на свете, действительно имела в виду то, что сказала. Со слухом у меня все в порядке, как и с восприятием.

— Что ты такое говоришь? — делаю шаг назад.

Рука мамы соскальзывает с моей щеки, падает, повисает вдоль тела. Я же пытаюсь справиться с хаосом в голове и болью в груди. Всего секунду назад у меня была надежда, что не придется справляться со всем в одиночестве, но сейчас ее у меня отняли. Буквально выдрали из рук, оставив лишь ошметки. Дышать становится еще труднее, а рана в груди все разрастается и разрастается. Вот только либо мама не видит, какие страдания мне причиняет, либо ей все равно, потому что вместо того, чтобы извиниться, сказать, что я не так ее поняла, она просто поджимает губы и строго смотрит на меня.

— Лана, я не думала, что воспитала тебя такой… — на мгновение замолкает, похоже, подбирает нужное слово, — инфантильной, — выплевывает.

У меня подгибаются колени. Покачиваюсь. Благо, я успела снять туфли, потому что вряд ли бы устояла на каблуках. А так просто протягиваю руку в сторону, упираюсь ладонью в стену.

— Я? Инфантильная? — неверяще спрашиваю маму. Мой голос звучит слабо, но я уверена, что она меня услышала, потому тут же поджимает губы.

Проходится по мне прищуренным взглядом, прежде чем вернуться к глазам.

— А как еще назвать девушку, которая думает, что мужчина будет верен вечно? Ты же именно так думала? — склоняет голову набок.

Из груди выбивает весь воздух. Кажется, этот день решил меня добить. Сегодня все, кому не лень, наносят мне удар за ударом, совсем не задумавшись, что я не железная. У меня внутри и без того все кровоточит. Я держусь из последних сил. Еще один удар, и я сломаюсь окончательно. Но этого никак нельзя допустить. У меня есть ребенок. Маленькая крошка, которому нужна мамочка. Малыш, которого я люблю всем сердцем. Я должна сконцентрироваться на нем, а не на боли, сочащейся из каждой клеточки моего тела.

Судорожно вздыхаю, на мгновение прикрываю глаза и выпрямляюсь.

— Я не хочу с тобой говорить на эту тему, — произношу, как можно четче, хотя голос дрожит.

Глаза мамы округляются, но не успеваю моргнуть, как они сужаются до невероятно тонких щелочек. Она шумно выдыхает, открывает рот, явно, собирается что-то сказать, но я срываюсь с места. Не хочу ее слушать. Лучше пойти посмотреть, как там Дениска, а потом уже подумать о том, что делать дальше. Вот только обогнуть маму и уйти в детскую не получается, так как мой путь тут же преграждается.

Торможу. Стискиваю кулаки.

— Дай пройти, пожалуйста, — в моем голосе звенит напряжение.

— Нет, пока мы не поговорим, — мама упирает руки в бока.

— Я вроде бы ясно выразилась, — впиваюсь ногтями в ладони, — на эту тему мы говорить не будем!

Такое чувство, что мама меня не слышит, потому что вместо того, чтобы отойти, вздергивает бровь и упрямо смотрит на меня.

— Ты же не собралась рушить семью из-за банальной интрижки? — шипит.

Жар возмущения вспыхивает в груди.

— Банальная интрижка? — из меня вырывается горестный смешок. Ну раз мама хочет поговорить, я скажу ей всю правду. Плевать. — Егор переспал с Алиной. Что ты на это скажешь? — каждое мое слово пропитано ядом.

Похоже, боль делает из меня стерву. Хотя… скорее всего, это просто защитная реакция. Ведь если не я сама, то кто еще меня защитит? Все родные люди… предали.

Глаза мамы на мгновение широко распахиваются, а в следующее — в них появляется странный блеск. Восхищение?

— Ну что сказать, — она пожимает плечами, — ушлая девка. Тебе бы у нее поучиться.

Я едва не роняю челюсть на пол. Поучится? Предавать поучиться? Залезать в трусы чужому мужу поучиться?

— Что? — все-таки переспрашиваю, потому что не могу поверить своим ушам.

— А что такого? — мама закатывает глаза. — Я всегда знала, что Алинка далеко пойдет. Ну да, не смогла она достойного мужика найти, с кем не бывает. Но видишь, не растерялась. Решила, что пойдет по головам, лишь бы получить желаемое. Я про безбедное будущее говорю. А если ты и дальше клювом будешь щелкать… в обиженку играть, то уведет она у тебя мужа. Попомни мои слова! — она во время своей тирады не сводит с меня пронзающего насквозь взгляда.

Я не думала, что смогу сегодня переживать еще больше боли. Но, видимо, придется.

— Мама, Егор мне изменил! — не выдерживаю, почти кричу. Тут же беру себя в руки, вспоминая, что Дениска спит. Прислушиваюсь, вроде бы не проснулся. Выдыхаю. — Если Алине нужен этот предатель, пусть забирает и подавится!

Мама ловит ртом воздух.

— Забирает? Ты что совсем чумная? — смотрит на меня во все глаза. — Где ты еще такого мужика найдешь? Тебя любит, твои закидоны терпит, дите тебе сделал, зарабатывает и мне помогает… хотя я не просила, — быстро добавляет. — Ну, гульнул разок, с кем не бывает? Между прочим, ты не молодеешь! А после родов и фигура уже не та, — бьет по больному. — Так что давай, включи мозги! Как приедет Егорка, поплачься ему, спой оду о своей любви, скажи, что все простишь, а потом уже условия свои выдвигай! А то небось разводиться надумала, да?

Вроде бы слышу то, что говорит мама, но ее слова все никак не хотят укладываться у меня в голове. Они… чужие, пропитанные алчностью, злые. Не могу их воспринять. Не хочу!

Поэтому набираю в легкие побольше воздуха и заявляю:

— Разговор окончен! — хватаю маму, отодвигаю ее в сторону и иду к комнате Дениски.

Вот только даже половину пути пройти не успеваю, как мне в спину прилетает:

— Если разведешься с Егором, ты мне больше не дочь!

Глава 6

Прирастаю к полу. Не могу пошевелиться. Не могу дышать.

Нож, который мама вонзила мне в спину, не дает сдвинуться с места. И без того раненое сердце изнывает от предательства еще одного родного человека. Грудь сдавливает. Каждая клеточка тела кровоточит. Меня трясет.

Не знаю, сколько еще смогу выдержать, прежде чем сломаюсь окончательно. Ноша, которая сегодня легла мне на плечи, слишком тяжелая. Поэтому силы быстро покидают меня.

Прикрываю глаза. Делаю короткие вдохи и медленные выдохи. Впиваюсь зубами в нижнюю губу. Глаза во всю жжет из-за непролитых слез. Горло сводит.

Рыдания, которые, казалось, оставили меня еще в машине, снова начинают душить. Сильнее впиваюсь ногтями в ладони.

Позволяю себе побыть слабой еще несколько секунд, прежде чем глубоко вдыхаю, расправляю плечи, разворачиваюсь, заглядываю маме в глаза и чеканю:

— Уходи.

Лицо матери вытягивается.

— Т…ты меня выгоняешь? — произносит она едва слышно, ее плечи поникают.

Вина вспыхивает в груди, но я моментально тушу ее — мама сделала свой выбор.

— Ты сама сказала, что я тебе больше не дочь, — хоть слова вылетают из меня легко, но все равно причиняют невообразимую боль.

Приходится стиснуть зубы и на мгновение зажмуриться, чтобы не разрыдаться прямо в голос, на глазах у матери, которая всего секунду выглядит растерянной, а следующую — превращается в разъяренную фурию.

— Делай, что хочешь, — выплевывает, подхватывает свою сумку, висящую на крючке возле шкафа для обуви. — Но запомни мои слова, — обувает туфли, — твоя гордость ничего не стоит. Пройдут года, и ты поймешь, какого мужика потеряла. У вас с Егором все еще может наладиться, прояви ты немного женской хитрости. Но нет же, ты решила разыграть роль жертвы, да еще и с гордыней, — фыркает. — Но жизнь твоя. Делай, как считаешь нужным. А я дождусь того момента, когда ты будешь выть от одиночества и поймешь, как была неправа, — всего миг смотрит на меня взглядом «я прожила жизнь и знаю ее лучше», после чего разворачивается и с громким хлопком выходит из квартиры.

Силы тут же покидают меня. Ноги не держат, поэтому я шумно выдыхаю и прислоняюсь спиной к стене, опираясь на нее.

Закрываю лицо руками, тру. Глаза все еще щипет из-за стоящих в них слез, но они не проливаются. Просто душат меня изнутри, добавляя еще больше страданий.

В голове не укладывается, что родная мать могла мне все это сказать. Возможно, у нее есть причины, ведь она вырастила меня одна. Но не могу сказать, что нам вдвоем было плохо. Пока я росла, папа присылал приличные алименты. Их хватало не только на еду и одежду, а еще чтобы раз в год съездить куда-нибудь отдохнуть. Вдобавок, когда родители развелись, отец оставил маме квартиру, где она до сих пор живет.

Я не знаю, что между ними произошло — они разошлись, когда я была совсем малышкой, а мама не говорит. С папой же у меня натянутые отношения. Хорошо, если мы общаемся два раза в год, и то по телефону, поздравляя друг друга с днем рождения. На самом деле, я никогда не тянулась к отцу, а он не горел желанием общаться со мной. Когда же в моей жизни появился Егор, то он сразу же взял на себя все мужские роли. Он стал для меня всем… самым важным человеком в моей жизни. До появления Дениски мы были неразлучны. Рождение сына, конечно, наложило отпечаток на наши отношения — мы стали проводить меньше времени вместе, ведь младенец требует много внимания. Но я не думала, что мы отдаляемся настолько.

— Егор… что же ты наделал? — бормочу себе под нос.

Слезы сильнее жгут глаза, взор размывается. С силой сжимаю веки в попытке удержать рыдания. До боли прикусываю язык, но и это не помогает — всхлип все равно вырывается из меня.

Резко выпрямляюсь. Стираю со щек слезы, которые все-таки успели пролиться, и размашисто шагаю в детскую, которая находится в конце коридора рядом с нашей с мужем спальней.

Мотаю головой, не позволяя себе снова задумываться о Егоре. Прохожу мимо когда-то любимой мною комнаты и останавливаюсь у спальни малыша. Дверь приоткрыта, поэтому я тихонько ее толкаю. Темно-синие обои с машинками бросаются в глаза, когда я переступаю порог и иду к противоположной стене. Стараюсь ступать осторожно, чтобы на что-то не наступить, ведь шторы завешены, а в комнате царит полумрак. Подхожу к кроватке с высокими бортиками, в которой сладко спит малыш в голубом бодике, и мое сердце оттаивает, раны постепенно начинают затягиваться, в груди разливается тепло.

Улыбка сама по себе касается губ. Тянусь к Дениске, аккуратно касаюсь его нежной щечки, поглаживаю.

— Не переживай, мамочка всегда будет рядом, — произношу шепотом. — А папочка… внутри все стягивается в тугой узел. — А папочке придется уйти!

Моментально понимаю, что я должна сделать. После всего произошедшего нам с Егором больше не быть вместе. Как бы ни было сложно, я смогу без него. И неважно, что говорит мама — у меня другое мнение. Лучше уже совсем без мужика жить, чем с тем, кто ни во что не ставит твои чувства!

Еще мгновение смотрю на сладко спящего малыша, а в следующее — разворачиваюсь и иду в нашу с мужем спальню. В голове шумит, в ушах отдается стук бешено колотящегося сердца. Желудок сводит, дыхание становится прерывистым.

Вылетаю в коридор, подхожу к соседней двери, открываю ее.

Оказываюсь в светлой комнате с большой кроватью посередине, длинным шкафом-купе во всю стену с противоположной стороны от окна, моим туалетным столиком и дверью, ведущей в ванную. Мягкий ковер заглушает мои шаги, когда я подлетаю к шкафу. Не смотрю на свое отражение, сразу же раздвигаю створки. Достаю огромный черный чемодан, раскрываю его, кладу на пол и начинаю вываливать в него вещи… мужа.

Сначала с полок слетают джинсы, потом футболки, свитера, нижнее белье. В последнюю очередь приступаю к освобождению вешалок с костюмами и рубашками. Мои движения резкие, дерганые. Перед глазами стоит картина увиденной мною измены, посылающая волны боли по телу. Уши закладывает, дышу поверхностно. Руки дрожат, пока я сбрасываю одну за одной рубашку мужа на пол.

Не соображаю, что делаю… совсем. Просто понимаю, что после всего произошедшего не хочу жить с мужем. Не могу!

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем все вещи мужа оказываются сваленными у моих ног. Опускаю взгляд, краем сознания понимая, что теперь это все как-то нужно затолкать в чемодан. Вот только ничего сделать не успеваю, ведь бросаю взгляд в сторону и вижу мужской силуэт.

Сердце пропускает удар. Резко поворачиваюсь. Желудок тут же ухает вниз. Хватаю ртом воздух, но в легкие его протолкнуть не получается — горло сводит.

В дверном проеме стоит Егор, прислонившись плечом к дверному косяку и сложив руки на груди.

— И что ты делаешь, не подскажешь? — поймав мой шокированный взгляд, он выгибает бровь.

Глава 7

Под пристальным взглядом мужа становится совсем не по себе. По коже бежит холодок. Внутри все сводит. Перед глазами встает сцена измены. В ушах звенит стон мужа, прозвучавший, когда…

С силой зажмуриваюсь, задерживаю дыхание. Боль пронизывает насквозь. Мне требуется несколько секунд, чтобы взять себя в руки, после чего шумно выдыхаю и распахиваю веки.

— Собираю твои вещи, — хочу произнести твердо, но голос дрожит… как и я.

— Даже так? — хмыкает Егор, безразлично глядя на меня.

Его ехидство больно ударяет по мне. Слезы снова подбираются к глазам. Когда же я стала такой плаксой? Раньше я стойко справлялась с неприятностями. Им было меня не сломить. Но стоило мне ощутить боль предательства, как вот уже и колени подгибаются, и тела не ощущаю совсем. Такое чувство, что меня полностью поглощает агония, не позволяющая нормально существовать.

Личико, спящего в соседней комнате сына, вспыхивает в голове. Мой Дениска… он такой маленький… такой беззащитный. Ради него я должна быть сильной. Ни в коем случае нельзя позволить себе сломаться. Потом, когда избавлюсь от Егора… выгоню его из своей жизни, смогу позволить себе осесть на пол, подтянуть колени к груди и выплакаться… снова. Но это потом. Сейчас же я должна унять дрожь в теле и всеми силами попытаться сдержать слезы.

Судорожно вздыхаю. Сглатываю ком, в который раз образовавшийся в горле. Вздергиваю подбородок.

— Да, так, — чеканю.

Егор всего секунду не дает мне никакой реакции, а в следующую — жестко усмехается. Всего лишь усмехается!

Не знаю, что именно становится для меня спусковым механизмом: молчание мужа или его пустой взгляд, но я вмиг вспыхиваю. В груди начинает жечь. Перед глазами появляется красная пелена.

Не понимаю, что делаю, когда оборачиваюсь к шкафу, хватаю тяжелую деревянную вешалку и бросаю ее в мужа. Егор не успевает увернуться! Ему удается лишь руку перед собой выставить, иначе вешалка заехала бы ему прямо в лоб.

Такой расклад событий меня не устраивает. Хватаю еще одну вешалку, бросаю! Еще одну и еще одну!

— Изменщик! — бросок. — Урод! — бросок. — Предатель! — бросок.

Кровь бурлит в венах, в голове шумит. В ход идут уже не только вешалки, но и джинсы, платья, рубашки, сумки. Не вижу, что оказывается у меня в руках — слезы, скотины такие, все-таки вырываются из глаз, льются по щекам, застилают взор. Плевать! Все, что попадется под руки, подойдет! Главное, зарядить хоть чем-то в этого подонка, который не смог удержать свой причиндал в штанах, хотя знал, что причинит мне невообразимую боль!

Не вижу, куда бросаю — взор расплывается. Ничего не слышу, всхлипы, которые то и дело срываются с губ, все заглушают.

Не понимаю, что происходит вокруг, пока не чувствую стальные пальцы на плечах.

— Успокойся! — грозный рык проникает в сознание.

Если по задумке Егора я должна была застыть, то он ошибся в методе, с помощью которого меня можно урезонить.

Не проходит и секунды, как я с размаху бью Егора пяткой в голень — он даже не шипит. Плевать! Это меня не останавливает, — толкаю мужа в грудь, снова и снова.

— Какой же ты, скотина, — шипение срывается с моих губ. Толкаю. — Как ты мог так со мной поступить? — пытаюсь вывернуться из хватки Егора, но он только сильнее вдавливает

пальцы в мои плечи. — Разве я заслужила все это? Ну, разлюбил меня, так и скажи! Просто скажи! Зачем спать с другой бабой за моей спиной? Тем более, с… — не могу договорить. Не могу…

Зато получается снова ударить ногой, вот только на этот раз промахиваюсь — Егор отступает в сторону.

Набираю в легкие побольше воздуха, чтобы приказать меня отпустить, но толком сориентироваться не успеваю, как уже вишу вниз головой. Спустя пару секунд куда-то лечу. Желудок делает кувырок, а в следующее мгновение из меня выбивает весь воздух.

Не сразу понимаю, что приземлилась на мягкий матрас. Зато как только осознание приходит ко мне, резко сажусь. Смотрю на Егора, который стоит неподалеку, засунув руки в карманы брюк. Пару раз моргаю в попытке прочистить взор — вроде бы получается.

— Ты с ума сошел? — произношу шепотом, шок еще не оставил меня.

— Я? — Егор выгибает бровь. — Ты на себя посмотри, — обводит меня пренебрежительным взглядом. — Устроила истерику на пустом месте, — возвращается к моим глазам.

— На пустом месте? — завожусь с полоборота, вскакиваю на ноги, пружиню на матрасе. — Ты мне изменил с… — имя бывшей подруги снова застревает в горле.

— И это повод вести себя как форменная истеричка? Тем более, я с ней не спал, — хмыкает муж.

Не сразу понимаю, что он имеет в виду, а когда до меня доходит, желудок ухает вниз.

— Это… по-твоему… — не могу собрать мысли воедино, в голове бардак. — То, что она делала тебе, по-твоему, не измена? — не верю, что произношу это вслух.

Егор пару секунд молчит, после чего шумно выдыхает.

— Что ты от меня хочешь услышать? Прости, я виноват? — смотрит на меня, сузив глаза. — Прости, я виноват. Дальше, что? Развод потребуешь? Опустишься до такой банальщины? — поджимает губы.

— Банальщины? — повторяю, неверяще хлопая глазами.

— Да, банальщины! — рявкает муж. — Мы с тобой десять лет женаты, а ты собираешься выкинуть годы брака в мусорку из-за ничего незначащего мине…

— Вот именно! — прерываю его, не желая слышать это слово. — Мы десять лет женаты, а ты изменил мне! Изменил с моей лучшей подругой! — выплевываю и замираю. Зачем я вообще трачу время на выяснение отношений с человеком, который называет развод из-за измены банальщиной? Передо мной стоит уже не тот мужчина, за которого я выходила замуж. Не знаю, что произошло с Егором, но я его не узнаю. И сил разбираться со всем этим у меня нет совсем — предательство за предательством вытянули из меня все соки. Поэтому не нахожу ничего лучше, кроме как заявить:

— Убирайся!

Егор сводит брови к переносице.

— Ты уверена, что хочешь именно этого? — голос мужа звенит от напряжения.

— Я не хочу тебя больше видеть, — слова идут из глубины моей души, наверное, поэтому достигают цели.

— Хорошо. Но помни, ты сама сделала этот выбор, — Егор еще мгновение таращит меня равнодушным взглядом, после чего разворачивается и уходит.

Уходит, а спустя пару секунд раздается хлопок дверью.

Ноги тут же перестают меня держать. Плюхаюсь на кровать, глядя Егору вслед. Не верю, что он взял и просто так ушел. Ушел, оставив все вещи. Вещи, которые я так и не собрала.

Он же не вернется, правда?

Глава 8

Голова болит. Глаза настолько сухие, что напоминают пустыню. Горло саднит.

Чувствую себя разбитой. Настолько, что, кажется, я вот-вот развалюсь на части. А собрать себя воедино уже не получится.

Ночь оказалась тяжелой. Я почти не спала. Воспоминания о произошедшем, как ошалелые крутились в голове. И сколько бы я ни пыталась от них избавиться, у меня ничего не получалось. Они словно острые иглы впивались в мой мозг и не давали сомкнуть глаза.

— Э-э-э, — Дениска в костюмчике в сине-белую полоску сидит на детском стульчике на кухне, отделанной в бежевых тонах, и во всю уплетает яблочное пюре, которое я ему даю.

Проглотив очередную порцию, малыш бьет по импровизированному столику перед собой, прося добавки. Яркое солнце, которое проникает в комнату через окно за моей спиной, освещает все вокруг, кроме сынишки — я загораживаю его собой. И хорошо, ведь ему не приходится щуриться, чтобы взглянуть на меня.

Вымученно улыбаюсь, отталкиваюсь от спинки стула, чайной ложкой зачерпываю из баночки пюре и подношу к ротику сынишки. Малыш тут же съедает вкусняшку.

Бессонная ночь была не только у меня, но и у Дениски.

Я не смогла оставаться в спальне, где все пропахло мужем, вдобавок его вещи до сих пор валяются на полу, поэтому ушла в комнату малыша. Мы с Егором специально установили там диванчик, чтобы было удобно присматривать за сыном, когда он капризничает по ночам. Вот только не знаю, что сыграло свою роль: мое взвинченное состояние или отсутствие отца рядом, который с самого рождения сына всегда ночевал дома, но Дениска проснулся с плачем где-то в два часа ночи и засыпал, только когда я ходила туда-сюда по комнате с ним на руках.

Единственный плюс такой ночи — тревога за малыша отвлекала меня от воспоминаний череды предательств, которые мне пришлось пережить. О будущем я вчера старалась не думать, иначе у меня окончательно опустились бы руки. Но сегодня придется решить, что делать дальше. Составить план и действовать по нему. Первым его пунктом станет — подать на развод.

Выскребаю из баночки остатки пюре, подношу ложечку к губкам Дениски. Он тут же съедает лакомство и причмокивает.

— Вкусно? — с нежностью смотрю на своего сынишку, тот широко мне улыбается. — Это хорошо, что вкусно, — поднимаюсь на ноги, поправляя лямку кремовой ночнушки, доходящей мне до середины бедра, и иду к кухонному островку. Вот только стоит мне закинуть ложку в раковину и открыть дверцу под ней, чтобы отправить в мусорное ведро баночку, короткая вибрация телефона, лежащего на столешнице, привлекает мое внимание.

Хмурюсь, не понимая, кто мог мне написать — вчера я осталась совсем одна. Но любопытство гложет. Поэтому быстро выбрасываю баночку из-под пюре, ополаскиваю руки под проточной водой, после чего вытираю их вафельным полотенцем.

— Э-э-э… ма-ма, — Дениска стучит ладошками по стульчику.

— Сейчас иду, — улыбаюсь лепету сынишки. Подхватываю телефон, разблокировав его, делаю шаг и… застываю.

«Готова нормально поговорить?» — читаю сообщение от Егора.

Возмущение тут же наполняет уставшее тело. Кровь начинает бурлить в венах. Пульсация в висках становится сильнее. Истощение смешивается с болью и злостью, из-за чего, кажется, голова вот-вот взорвется.

Сначала хочу проигнорировать желание мужа «пообщаться», но в следующую секунду ловлю себя на том, что строчу сообщение:

«По-моему, ты вчера все сказал, а еще больше показал!!!», — нажимаю на кнопку отправить и тут же жалею о своей порывности.

Почему я просто не могу отбросить эмоции в сторону? Зачем мучаю себя? Да, нас с Егором многое связывает. Годы совместной жизни и множество воспоминаний, связанных с ними, так легко не отбросишь в сторону. Тем более, у нас общий сын. В итоге, нам с Егором все-таки придется общаться, хотя бы по поводу Дениски. Но это не значит, что это нужно делать сейчас, когда мои раны слишком свежи.

Да, нужно дождаться, пока чувства улягутся, а уже потом выходить на контакт с мужем и решать, как он будет общаться с сыном.

Вот только стоит прийти следующему сообщению, я на автомате заглядываю в экран и читаю:

«Ясно. Я тебе отправил курьера с документами, которые тебе необходимо изучить. Забери их, пожалуйста, и отдай курьеру мой паспорт. Он в тумбочке у входа.»

Шумно выдыхаю. Егор совсем совесть потерял? Как он смеет что-то от меня требовать?!

Начинаю печатать новое сообщение, в котором посылаю мужа в причинное место. Жаль, что отправить не успеваю, трель дверного звонка меня прерывает.

Хмыкаю. Быстро же курьер приехал. И когда Егор его отправил? Зачем тогда спрашивал, хочу ли я поговорить? Ни на один вопрос ответа не нахожу.

В голове мелькает мысль не открывать дверь и плевать, что будет, но трель повторяется. Услышав ее, Дениска начинает хныкать.

Срываюсь с места, оказываюсь рядом с малышом.

— Тише, — беру его на руки. — Все хорошо, — целую в русые волосики. Дениска начинает успокаиваться, хватает меня за бретельки ночнушки, тянет их на себя, хорошо, что не рвет.

Долбанная трель звенит снова. Вздрагиваю не только я, но и малыш.

— Вот черт! — выплевываю.

Настойчивый курьер. Если я от него не отделаюсь, он так и будет пугать моего сына.

Тяжело вздыхаю, размашистыми шагами иду к входной двери. По пути вытаскиваю из тумбочки паспорт мужа, он мне нафиг не нужен.

Очередная трель раздается, когда я уже нахожусь у двери. Внутри меня все клокочет от злости. Перехватываю Дениску одной рукой, второй — поворачиваю ключ в замочной скважине. Распахиваю дверь и застываю, не веря своим глазам.

Моргаю. Еще раз. И еще.

Нет. У меня не галлюцинация. Передо мной действительно стоит… Алина.

Егор вообще кукухой поехал? Прислал ко мне в качестве курьера свою любовницу?

Глава 9

— Привет, — Алина, одетая в белоснежную блузу и кожаную юбку до колена, ехидненько ухмыляется, склоняя голову к плечу.

Мгновение стою, не двигаясь, а в следующее — уже закрываю дверь. Вот только она не успевает захлопнуться, между ней и косяком проявляется большая кожаная сумка. Не успеваю опомниться, как Алина толкает дверь. Теряю равновесие, делаю шаг назад, чтобы устоять, одновременно крепко прижимаю сына к себе.

Дениска, которому, явно, не понравилось резкое движение, начинает хныкать. На автомате поглаживаю его по спине, роняя паспорт мужа на пол и наблюдая за тем, как Алина переступает порог, при этом смотрит прямо мне в глаза. В глазах девушки столько самодовольства, что меня передергивает.

— Убирайся! — цежу сквозь стиснутые зубы, желудок сжимается в тугой узел, ярость обжигающей волной проносится по телу.

— Где же твое гостеприимство? — Алина даже не пытается скрыть усмешку, которая пропитала ее голос. — Разве так встречают старых друзей?

— Друзья не спят с мужьями друзей! — выплевываю.

Малыш сильнее начинает плакать. Видимо, чувствует мою нервозность. Стараюсь глубоко и размеренно дышать, чтобы себя успокоить, вот только бешеное биение сердца ничем не обуздать.

— Ой, да ладно, не говори, что обиделась из-за такой мелочи, — пренебрежительно взмахивает рукой. — Тем более, ты должна знать поговорку: поигрался сам, дай поиграть другу, — хмыкает.

Если у меня не было Дениски в руках, то я бы выставила за порог эту дрянь за дверь собственноручно. Но мне некуда посадить малыша. А если попробую пройти вглубь квартиры, то почему-то не сомневаюсь, Алине хватит наглости попереться за мной. В таком случае избавиться от нее будет куда сложнее.

— Ты пришла поиздеваться или по делу? — пытаюсь взять себя в руки, покачиваю Дениску, который разрывается от крика в моих руках. Но похоже, злость, которая клокочет у меня внутри, только подзадоривает малыша. Он с каждой секундой плачет все громче и громче.

Алина бросает на него пренебрежительный взгляд, кривится.

— Заставь его прекратить! — выплевывает.

Возмущение прокатывается по венам. Заставить? Ребенка? Алина, похоже, идиотка, раз думает, что это возможно! Хотя ничего удивительного в том, что Алина не знает, как обращаться с детьми. Видимо, в тот момент, когда она отдала своего малыша, материнский инстинкт в ней атрофировался. Если, конечно, он когда-нибудь у нее был.

— Малыш чувствует гниль в квартире, и пока она тут, так и будет кричать в попытке ее выпроводить, — даже не пытаюсь скрыть сарказм, сквозящий в голосе.

Алина хмурится, видимо, туго соображая. Но стоит девушке понять смысл моих слов, злость мелькает в ее глазах. Черты лица Алины заостряются, делая девушку похожей на настоящую ведьму.

— Вообще-то, эта квартира скоро станет моей, — произносит со всем самодовольством, которое только в ней копилось долгие годы. — Кстати, когда ты съедешь? Я хочу тут все переделать. У тебя совсем нет вкуса, — она въедливо осматривает прихожую. — Все какое-то… серое, безликое, — фыркает и снова сосредотачивается на мне, — совсем как ты!

Теперь плохо соображаю уже я. Алина серьезно решила, что переедет в мою квартиру? Станет ее хозяйкой? И выселит меня? Не многого ли она хочет? Мало того, что недвижимость

приобретена в браке, и я имею права на ее половину. Так еще здесь прописан малыш, поэтому до его совершеннолетия без моего согласия ее даже продать нельзя.

Я отсюда точно не уйду! Это мой дом! Мой!

Вовремя вспоминаю, что в руке, которой держу сына, все еще зажимаю телефон. Идея приходит мгновенно. Удобнее перехватываю сына, беру телефон в другую руку, разблокирую, набираю короткий номер и прикладываю к уху. Все этого делаю под пристальным, ничего не понимающим взглядом девушки, которая внимательно следит за каждым моим движением. Я же ничего не поясняю, просто часто прерывисто дышу, а стоит мне услышать приятный женский голос, который сообщает, что слушает меня, начинаю чеканить:

— Добрый день. Ко мне в квартиру ворвалась незнакомая женщина и отказывается уходить, а у меня ребенок, — плач которого, не сомневаюсь, слышен в трубке, — не могли бы вы прислать наряд по адресу…

С лица Алины сходят все краски, она в один широкий шаг преодолевает разделяющее нас расстояние. Прежде чем я успеваю сориентироваться, вырывает телефон из моих рук и сбрасывает вызов.

— Что ты творишь?! — шипит, поднимая на меня полный ярости взгляд.

— Избавляюсь от паразита, который незаконно попал в мое жилье, — выпаливаю, чуть отворачиваясь. Не хочу, чтобы это гадюка была близко к моему малышу. — Ты либо сама уберешься подальше, либо я найду способ тебя выставить, — мои слова звучат настолько твердо, что даже до Алины доходит, что я говорю чистую правду.

Вот только, похоже, она слишком тупая или у нее напрочь отсутствует инстинкт самосохранения, потому что вместо того, чтобы убраться из квартиры, она пробегается по мне наполненным отвращением взглядом.

— В кого ты превратилась? — кривится, возвращаясь к моим глазам. — Мало того, что долбанутая на голову истеричка, так еще… — эфемерно обводит меня рукой. — Ты давно на себя в зеркало смотрела? Знаешь, роды родами, а за собой все-таки следить надо. Сиськи обвисли, пузо торчит, а прическу ты когда последний раз делала? — где-то на краю сознания понимаю, что Алина пытается возыметь надо мной власть, уколоть побольнее, и я не должна реагировать, но с каждым ее словом чувствую, как что-то внутри обрывается, а кровь в жилах закипает. — Глядя на тебя сейчас понятно, почему Егорка променял тебя на меня. Нафиг ему сдалась мамашка, которая только о своем дитенке думает, когда я мастерски умею работать язычком? — проходится им по губам.

Не знаю, что становится последним толчком: бессовестное поведение Алины или же боль, которая пожирает меня со вчерашнего дня, но мозг отключается и злость заполняет каждую клеточку тела, а перед глазами появляется красная пелена.

Замахиваюсь и со всей дури влепляю Алине пощечину!

Глава 10

Алина хватается за щеку. Смотрит на меня во все глаза. Открывает, закрывает рот, словно не может поверить в произошедшее. Не двигается.

Ладонь горит. Сердце клокочет в груди. Кровь шумит в ушах.

До меня постепенно доходит, что я натворила, но спустя пару секунд понимаю, что ни капли не жалею о своем поступке. Алина заслужила эту пощечину и даже больше.

Пока бывшая подруга не успела прийти в себя. Резко разворачиваюсь и несусь на кухню. Сынок в моих руках все еще плачет, когда я сажаю его на детский стульчик, тянется ко мне, хочет, чтобы я снова его взяла. Вот только я не могу сейчас выполнить его просьбу. Не тогда, когда в доме дрянь, которая может в любой момент очнуться от ступора. Поэтому с сердцем, обливающимся кровью, разворачиваюсь и снова иду в коридор.

Жаль, что даже пары шагов не успеваю сделать, как разъяренная фурия появляется в дверном проеме, находит меня взглядом. Сжимает, разжимает кулак свободной руки, во второй — изо всей силы стискивает сумочку. При этом пыхтит так, словно готовится в любой момент рвануть ко мне.

— Ты охренела? — визжит Алина с такой силой, что у меня закладывает уши.

Дениска начинает плакать еще громче. Материнский инстинкт взывает, чтобы я взяла сынишку на руки, покачала его, успокоила. Но разум напоминает, что защитить малыша от поехавшей любовницы его отца — тоже важная задача.

Делаю шаг в сторону, загораживаю рыдающего навзрыд Дениску от метающей в нас молнии брюнетки.

— А чего ты ждала? — меня потряхивает от гаммы эмоций, которые бурлят внутри. Если Алина думает, что она одна взбешена до предела, то очень сильно ошибается. Я держусь из последних сил, чтобы не схватить «подружайку» за патлы и не выкинуть из квартиры. — Думала, я проглочу все дерьмо, которое ты на меня вылила и слова не скажу? — вздергиваю подбородок, впиваюсь ногтями в ладони.

Плач сына отходит на задний план, когда спустя мгновение Алина расправляет плечи и смотрит на меня с превосходством.

— Нужно воспринимать критику, дорогая. Ты всегда об этом забываешь, — произносит ехидным голоском. Окидывает меня пренебрежительным взглядом. — Тем более, я сказала чистую правду, — хмыкает.

— Засунь свою правду знаешь куда? — повышаю голос.

— Ой да ладно, — Алина криво ухмыляется. — Не думала же ты, что Егорка не посмотрит налево, когда его женушка выглядит как самая настоящая клуша? Он же ого-го-го мужик! Жесткий, властный и при бабках. Ты должна благодарить меня, что я перехватила его, пока твое место не заняла какая-нибудь молодуха. Можно сказать, я его даже в семье оставила, — из нее вырывается смешок. — А то представляешь, какой бы удар тебе пришлось пережить, когда Егор привел бы в дом молодую красивую жену, а потом ее еще с сыном познакомил? — голос Алины полон сарказма.

Она пытается задеть меня, ударить самое ранимое место. И у нее почти получается… почти.

Я не знаю, что заставило Егора «пойти налево», как выразилась «подружайка». Возможно, Алина даже права, если бы не она, то была бы какая-нибудь другая. Вот только в одном девушка ошибается. Алина нахрен не сдалась моему мужу. Хоть я и не понимаю, что толкнуло Егора на измену, но знаю своего мужа — он никогда не будет уважать женщину, которая сама на него вешается. Егор и меня, как оказалось, не уважал, что уж говорить про такую, как Алина.

Но я не собираюсь ничего говорить этой прошмандовке. Пусть верит в то, что отбила моего мужа. Пусть строит планы с ним. Пусть забирается в своих мечтах все выше и выше. Так больнее будет падать.

Меня же другое волнует.

— Скажи, ты же все эти годы просто притворялась моей подругой, да? — стараюсь говорить спокойно, хотя все внутри стягивается в тугой узел. — Притаилась и ждала подходящего момента? Искала возможность встать между мной и Егором?

— До тебя, наконец, дошло? — Алина злобно хихикает. — Ты думаешь, я бы просто так терпела тебя и твои нравоучения все эти годы? — ее черты лица заостряются сильнее, а верхняя губа чуть ли не подрагивает от нескрываемой злобы. — Ты такая святоша, что прямо... тьфу, — кривится. — Зато твой муж — лакомый кусочек. Я никогда не понимала, почему он вокруг тебя вьется? Почему тебе досталось все, а мне ничего? Уже почти отчаялась. Думала, что зря мирилась с тобой столько лет. А нет, есть все-таки в жизни справедливость, — счастливо вздыхает. — Теперь я поживу, наконец, сытой, безбедной жизнью и париться больше ни о чем не буду, — самодовольство мелькает в ее глазах.

Алина настолько рада своей подлости, что странно, как еще на месте не начала прыгать.

Мне же становится… грустно. Не потому что потеряла подругу, а из-за того, что была настолько наивной. Я же видела все недостатки девушки: чрезмерную гордыню, пренебрежительное отношение к другим, хитрость, которую она то и дело проявляла. Я даже пару раз замечала, как она переступает через людей, чтобы достигнуть цели. Но это было еще в университете. Тогда я посчитала это проявлением здоровой конкуренции. Вот только такое поведение Алины оказалось первым звоночком. Последним — должно было стать, что девушка отказалась от своего ребенка. Но я и тогда списала это на стечение обстоятельств. В итоге, проявила слабость и снова стала общаться с Алиной, хоть и не подпускала ее слишком близко.

Мама всегда говорила, что я пострадаю из-за своей «души нараспашку». На этот раз она оказалась права.

— Уходи или я тебя собственноручно выставлю, — произношу настолько твердо, насколько могу.

Видимо, в моем голосе прозвучали непреклонные нотки, раз вся спесь спадает вмиг с Алины. Лицо девушки белеет — надеюсь, она пощечину вспомнила. Вот только ехидный блеск из ее глаз не пропадает.

— Я-то уйду, но и ты тут долго не задержишься, — надменно произносит «подружайка». Открывает сумку, засовывает в нее руку. — Это тебе Егор просил передать, — вытаскивает какой-то документ, протягивает мне. Я не сдвигаюсь с места, все внутри переворачивается. Алина еще несколько секунд стоит, протянув руку, после чего хмыкает и бросает бумагу на столешницу возле раковины. — Надеюсь, ты подпишешь и не будешь чинить препятствия нашему с Егором счастью. А лучше забирай своего драгоценного сыночка и убирайся подальше. Не будешь же ты унижаться, пытаясь вернуть мужа, который выбрал другую вместо тебя. Ты, конечно, ханжа, но тряпкой никогда не была, — криво усмехается, гордо вздергивает подбородок и уходит.

Хлопок двери должен был принести мне облегчение, но мышцы словно одеревенели, а взгляд приковало к бумаге, лежащей на столешнице. Не знаю, что именно притягивает меня к ней, но я понимаю, что не успокоюсь, пока не узнаю, что же «попросил передать мне муж». Собираюсь с силами, на негнущихся ногах подхожу к столешнице, сразу цепляюсь за заголовок:

«Заявление о согласии на развод».

Глава 11

Боль пронзает каждую клеточку моего тела. Смотрю на черные печатные буквы на белой бумаге и не могу дышать. Совсем. Такое чувство, что воздух застревает в груди. Дыхание спирает, а горло сводит. Меня сначала бросает в холод, а потом в жар. Пот выступает не только на позвоночнике, но и на лбу. Во рту пересыхает.

«Егор решил со мной развестись и передал документы через свою любовницу», — это осознание больно бьет по голове. Судорожно втягиваю воздух, а уже в следующее мгновение срываюсь с места и несусь в коридор. Открываю выдвижной ящик тумбы, выуживаю оттуда ручку, тут же возвращаюсь на кухню.

Подхватываю на руки сына, который перестал плакать, как только Алина покинула квартиру, и возвращаюсь к заявлению. Взглядом пробегаюсь по нему, нахожу место для подписи, заношу ручку. Прикасаюсь стержнем к бумаге, начинаю выводить подпись и… останавливаюсь.

Нет!

Я не могу этого сделать!

Не сейчас!

Резко кладу ручку на бумагу, изо всей силы прижимаю ее ладонью. Медленно выдыхаю и прикрываю глаза.

Нельзя действовать на эмоциях. Прежде чем принимать какое-то решение, нужно сначала все хорошенько обдумать. Вот только мысли словно в кашу превратились, почти не соображаю. Вдобавок после скандала с Алиной голова раскалывается.

Нужно ее прочистить, подышать свежим воздухом. Да! Свежий воздух будет как нельзя кстати!

— Пошли прогуляемся? — заглядываю в заплаканное личико сынишки.

Вина простреливает изнутри. Нельзя было позволять Дениске так долго плакать. Это может не очень хорошо отразиться на ребенке его возраста.

Вот только не успеваю загнать себя в самобичевание, как Дениска хватает меня за нос и тянет его на себя. Усмешка сама по себе растягивается на моих губах. Отвожу голову в сторону, аккуратно вытаскиваю ноздри из цепких пальчиков. После чего заглядываю в глазки Дениски, в которых пляшут смешинки. Напряжение сегодняшнего утра резко отпускает, облегчение разливается по венам. Но виски все равно пульсируют и покалывают, поэтому набираю в легкие побольше воздуха и бормочу:

— Да, нам точно нужно прогуляться.

Не жду ни секунду, несу Дениску сначала в мою с мужем комнату. Вещи Егора все еще разбросаны на полу, но я просто их переступаю, чтобы достать джинсы и белый свитер из шкафа. В первую очередь переодеваюсь сама, а только после этого иду утеплять ребенка, чтобы он случайно не сопрел. Для Дениски выбираю темно-синий комбинезончик. Он чем-то напоминает джинсовый, но начес делает его теплым.

Когда мы с Дениской оба оказываемся одетыми, подхватываю сына на руки и иду в комнату напротив. Она небольшая, без окон, больше напоминает кладовку с множеством шкафов. В ней хранится коляска с машинками на обивке сына и другие необходимые бытовые принадлежности, такие как постельное белье, полотенца, зимние куртки и многое другое.

Укладываю Дениску в коляску, наклоняюсь, целую сынишку в носик. После чего достаю из ближайшего шкафа сумку с памперсами, водой и другими вещами, которые могут понадобиться малышу. Проверяю ее и вешаю на плечо, прежде чем выехать с сыном в коридор.

Мы почти доезжаем до двери, когда коляска вдруг застревает. Хмурюсь, останавливаюсь, заглядываю под колесики. Мои брови взлетают, стоит под одним из них заметить паспорт мужа.

Неужели «курьерша» была так взбешена, что забыла его? Он же буквально валялся под ее ногами?

Да, какая разница?

Наклоняюсь, чуть приподнимаю коляску, подхватываю паспорт и бросаю его на тумбу. Снова толкаю коляску к двери, но даже шага не удается сделать, когда до меня доносится трель телефона. Только сейчас замечаю гаджет, лежащий рядом с паспортом. Беру телефон, невольно читаю сообщение от мужа:

«Курьер привез документы? Все хорошо?».

Из меня выбивает весь воздух. Он еще смеет мне писать?

«Твой курьер забыл паспорт, а ты — МУДАК!», — отправляю ответ, ставлю телефон на беззвучный и бросаю его в сумку.

Больше нас с Дениской ничего в квартире не задерживает, мы на лифте спускаемся на первый этаж, после чего выходим на улицу и идем в сторону парка, который находится недалеко от дома.

Ветер сегодня немного прохладный, чему я несказанно радуюсь. Он помогает остудить разгоряченное тело, привести в порядок мысли. Вот только пройдя половину пути, понимаю, что ничего не чувствую и не хочу ни о чем думать.

Мой мозг, почувствовав свободу от мыслей, просто отказывается работать. Как бы я ни пыталась настроить себя на нужный лад, у меня ничего не получается. Поэтому даю себе десять минут на то, чтобы просто пройтись и ни о чем не думать. Мне в любом случае нужно будет взять себя в руки, чтобы понять, как поступить дальше.

Почти доходим с Дениской до парка, когда мой взгляд цепляется за бело-желтую вывеску «Твое кафе». Воспоминания тут же уносят меня во времена студенчества. Когда я училась, была постоянным посетителем этого кафе. Все-таки университет находится за углом. Именно здесь мы когда-то снова встретились с Егором. Именно здесь я когда-то поверила в судьбу. Именно здесь обрела счастье.

Все внутри сжимается в тугой узел, боль пронзает сердце. Хочу пройти мимо, но желудок бурлит, напоминая, что со вчерашнего вечера не получал даже немного еды. Других заведений поблизости нет, а в этом кафе очень вкусный кофе. Слюна наполняет рот, когда я вспоминаю малиновый раф, который каждый день пила здесь.

Интересно, раф все еще есть у них в меню?

Стоит этому вопросу проникнуть в мысли, как я поворачиваю коляску, быстро направляюсь к стеклянной двери. Ловлю себя на мысли, что не знаю, почему все годы жизни рядом ни разу сюда не заглядывала. Возможно, думала, что переросла это заведение? В любом случае, сейчас я вернусь в прошлое и надеюсь, что оно поможет мне понять, какое меня ждет будущее.

Вот только едва достигаю кафе, как застываю, ведь сзади раздается знакомый мужской голос с рычащими нотками:

— Лана!

Кожа покрывается мурашками. Этого не может быть!

Глава 12

Нет, этого точно не может быть.

Мышцы деревенеют. Дыхание перехватывает. Сердцебиение ускоряется.

Но я ведь слышала…

Набираю в легкие побольше воздуха, оглядываюсь и…

— Костя? — мои глаза широко распахиваются.

За моей спиной стоит блондин в очках и с кривой ухмылкой на лице.

— Привет, — он чуть склоняет голову набок.

— И тебе… привет, — пальцы соскальзывают с ручки коляски, полностью разворачиваюсь. Еще раз обвожу Костю взглядом с ног до головы и хмыкаю. Я запомнила Костю пухленьким молодым человеком, который любил мешковатые свитера и спортивные штаны. Его преимуществом всегда был только голос, который сводил девочек с ума. Сейчас же смотрю на мужчину с широкими плечами, обтянутыми черной футболкой, и в джинсах. — Что ты здесь делаешь? — мотаю головой, выдворяя из нее шок. — Разве ты на втором курсе не уехал учиться в Лондон? И насколько я знаю, там и остался, — улыбка касается моих губ.

— Уехал, остался и вернулся, — усмехается Костя, подходя ко мне ближе. Теперь, похоже, его очередь осматривать меня с ног до головы — все-таки мы очень давно не виделись. — Ты изменилась, — Костя возвращается к моим глазам, а я вздрагиваю. Хочется отвести взгляд. Он прав, я действительно изменилась… особенно, после родов. Но Костя так открыто смотрит на меня, что я застываю, а в следующее мгновение слышу: — В лучшую сторону, — по коже ползут мурашки.

Легкая улыбка снова трогает мои губы, к щекам приливает кровь.

— Ма-ма! — крик сына прорывается в мой все еще отходящий от шока… хорошего шока мозг. Резко разворачиваюсь, огибаю коляску, наклоняюсь, заглядываю Дениске в глазки.

— Ну чего ты? — мой голос хоть и звучит мягко, но подрагивает от бурлящих во мне эмоций, наверное, поэтому не замечаю, как Костя подходит совсем близко.

— Твой? — его голос раздается прямо над ухом.

Вздрагиваю. Резко выпрямляюсь и отступаю в сторону, когда понимаю, что Костя стоит совсем рядом.

— Эм… — пытаюсь справиться с вмиг разогнавшимся сердцебиением. — Да, — тяжело сглатываю.

Да, что это такое со мной?

Костя переводит взгляд с меня на сына.

— Привет, чемпион, — протягивает к малышу руку, хочет дотронуться до его щечки, но даже прикоснуться не успевает, как Дениска заходится в рыданиях. Он так громко плачет, что я тут же бросаюсь к нему, беру на руки и прижимаю к себе.

— Все, тише-тише, — поглаживаю Дениску по спинке до тех пор, пока он не успокаивается.

— Прости, — одними губами произносит Костя, выглядя максимально виноватым.

— Ничего страшного, — стараюсь выдавить из себя улыбку, Дениска еще ни разу не реагировал так бурно на незнакомого человека.

Обычно, когда мы гуляем, к нам часто подходят разные бабушки, другие мамочки, дети. Здороваются с малышом. Дениска всегда с радостью идет на контакт, а тут…

— Вы в кафе шли? — Костя, в итоге, переводит тему. Киваю. Выдыхаю, чувствуя, что сынок до конца успокоился, и теперь начинает вертеться у меня в руках. — За малиновым рафом? — в глазах мужчины появляются лукавые огоньки.

— Да, — не верю, что он все еще помнит.

— Проходите, — Костя тут же открывает для нас дверь. Благодарно ему улыбаюсь. Тянусь к коляске, чтобы закатить ее в помещение, но мужчина меня одергивает. — Я сам! — произносит настолько грозно, что у меня брови ползут на лоб.

Решаю не спорить. Прохожу через открытую дверь и окунаюсь в прошлое. В кафе ничего не изменилось. Те же бежевые стены, завешанные черно-белыми фотографиями студентов-завсегдатаев заведения. Те же деревянные столики, над которыми висят соломенные светильники. Те же коричневые диванчики, хотя… вот они выглядят новыми. Посетителей немного, видимо, началась пара, но они есть — два столика занято.

За барной стойкой стоит молоденькая брюнетка в белой безразмерной футболке, почти полностью закрытой фартуком, и во всю улыбается Дениске. Бросаю взгляд на сына, тот тоже смотрит только на девушку, широко распахнув свои глазки. А стоит нам подойти к стойке, так вообще тянется к девушке, почти ложась на лакированную деревянную поверхность.

— Простите, — перехватываю удобнее сына, отстраняю его подальше от стойки.

— Ничего страшного, — усмехается девушка, у которой на груди висит металлический бейджик с именем «Настя», после чего подмигивает Дениске и возвращает свое внимание мне. — Что для вас приготовить? — от нее буквально пышет доброжелательностью. Видимо, поэтому малыш снова тянет к ней ручки. Это выглядит так… странно, учитывая, что всего пару минут назад он буквально отшатнулся от Кости.

Стоит о нем подумать, как сзади звучит его голос:

— Малиновый раф и американо.

Холодные мурашки бегут по позвоночнику.

Улыбка сходит с лица девушки.

— Поняла. Что-то еще? — она не отводит взгляда от Кости.

— Да, это за счет заведения, — спокойно произносит мой бывший одногруппник, ввергая меня в еще больший шок. — Лана, пошли сядем, — кладет руку мне на поясницу.

Вздрагиваю. Невольно отстраняюсь.

Почти сразу понимаю, насколько глупым выглядит мое поведение. Щеки горят, поэтому сразу разворачиваюсь, стараясь не смотреть на Костю, и двигаюсь в сторону зала.

— За счет заведения? — тихо спрашиваю у бывшего одногруппника, идущего рядом.

— Да, я купил это кафе, — гордо признается он.

Хочу спросить «Когда?», но слова застревают в груди, стоит взгляду зацепиться за тот самый столик, где мы когда-то снова встретились с Егором. Все внутри переворачивается. Дыхание спирает. К глазам подкатывают слезы.

Мотаю головой, пытаясь избавиться от вспыхнувшего в ней воспоминания. Но все равно вижу, как Егор тянется через стол, берет меня за руку, улыбается мне, показывая ямочки. Чувствую, как меня пронзает электрический ток, а по телу разливается тепло.

Тогда я впервые разрешила себе подумать о том, что у нас может все сложиться.

Тогда я позволила чувствам, которые когда-то подавила, возродиться.

И, видимо, тогда совершила самую большую ошибку в жизни.

Прикрываю глаза, намеренно прохожу мимо столика. Это чувствуется, словно я оставляю прошлое позади. Почему-то становится жутко больно, но я кусаю нижнюю губу, не позволяя себе расплакаться. Подхожу к столику в углу, сажусь спиной к барной стойке. Снимаю сумку с плеча, ставлю ее у стены. Сына укладываю между ней и собой, улыбаюсь ему, подмигиваю. Краем глаза замечаю, как Костя устраивается напротив.

— Что ж, — привлекает мое внимание, — рассказывай, как все эти годы проживала моя первая любовь?

Глава 13

Давлюсь воздухом. Закашливаюсь. Вздергиваю голову.

— Что? — смотрю на Костю во все глаза.

— Только не говори, что не знала, — он откидывается на спинку дивана.

Мотаю головой, Костя усмехается.

— Тогда ты, наверное, единственная, кто не знал, — произносит как-то проникновенно, при этом не сводит с меня глаз.

Жар приливает к щекам. Мне становится совсем неуютно, поэтому перевожу взгляд на сына, которого, явно, клонит в сон — его глазки во всю слипаются. Нежно улыбаюсь, до сих пор удивляясь способности младенцев засыпать, где угодно и когда угодно. Невольно поднимаю взгляд, цепляюсь за сумку, из которой исходит свет.

Желудок болезненно сжимается. Нетрудно догадаться, кто звонит. Это может быть только один человек.

Раны, которые нанес мне Егор, все еще кровоточат. Поднимаю руку, тру грудь. Толком не могу дышать, почти не соображаю. Мысли превращаются во что-то вязкое, неразборчивое.

Мне… больно. Так больно, что, кажется, я в любой момент могу сломаться. Любовь к мужу никуда не делась. Она все еще живет где-то внутри меня. Да, похоронена под плитой предательства, но я все равно слышу ее зов. Он отголосками разносится по телу, не давая мне, наконец, вздохнуть свободно.

— Эй… — кто-то тянется через стол, касается моей руки.

Вздрагиваю. Отшатываюсь. Смотрю на мужчину во все глаза. И только, когда понимаю, что передо мной Костя, облегченно выдыхаю.

— Прости, — мужчина слишком невинно улыбается. — Я не хотел тебя смутить, — его щеки немного краснеют, подтверждая слова. — Понимаю, что ты занята, — указывает подбородком на сопящего Дениску. — Занята же? — в его голосе слышится настойчивость, которая неприятным, липким слоем оседает на коже.

Из меня рвется «да», но оно застревает в горле. Перед глазами всплывает «согласие о расторжении брака», присланное мужем. Сердце больно колет.

Похоже, что скоро я не буду занята…

Вот только стоит ли об этом говорить кому-то? Тем более, пока сама не разобралась?

— Ваш кофе, — звонкий женский голос звучит совсем рядом. Поднимаю голову и пересекаюсь взглядами с девушкой, которую встретила за баром.

Она ставит передо мной высокий граненый стакан со светло-коричневым напитком, посыпанный высушенными зернышками малины и с торчащей из него розовой трубочкой. Перед Костей оказывается белая чашка на блюдце с почти черным напитком. Девушка, которую, насколько я помню, зовут Настя, быстро удаляется. Но я все равно благодарна ей за небольшую передышку, потому что успеваю принять решение.

— Я… замужем, — последнее слово кажется инородным, когда слетает с моих губ. Но это не значит, что оно не правдиво. — А как у тебя на личном? — перевожу тему.

Глаза Кости почему-то вмиг становятся отстраненными. Он берет чашку за ручку, отводит взгляд к окну и произносит:

— Разведен.

Одно это слово заставляет меня внутренне заледенеть. Чувствую, что скоро тоже буду произносить его.

Хочу спросить, что случилось, но понимаю, что не имею права задавать настолько личный вопрос. Особенно, когда сама не полностью откровенна.

— Так, давай не будем о грустном, — Костя во мгновение ока из задумчивого мужчины превращается в рубаха-парня, у которого на лице растягивается кривая ухмылка. — Как тебе раф? Такой же, как ты помнишь? — стреляет в него глазами.

Немного теряюсь от такой смены настроения, но решаю поддержать инициативу Кости. Разговор ни о чем — это как раз то, что сейчас нужно. Позже мне придется принять трудное решение. Но это… позже.

Медленно выдыхаю. Намеренно расслабляюсь. Выдавливаю из себя улыбку и двумя пальцами беру трубочку. Чуть наклоняюсь, обхватываю ее губами и втягиваю божественный напиток. Сладкий, молочный, с легкой горчинкой и кислинкой.

— Идеальный, — довольно тяну, делаю несколько глотков и выпрямляюсь.

Жар с новой силой приливает к щекам, когда я вижу, с какой жаждой Костя смотрит на меня. Такое чувство, что, если бы он мог выпить меня, а не свой кофе, то так бы и сделал.

Опускаю взгляд на стол, нахожу взглядом раф. Наклоняюсь и снова пью, на этот раз более сдержанно. Пытаюсь хоть как-то отвлечься, сбросить с себя скользкое ощущение, которое «гуляет» по коже.

— Я рад, что тебе понравилось, — вдобавок к рычащим ноткам, голос Кости еще и охрип.

Кажется, нужно уходить. Каким бы хорошим другом я Костю не помнила, он явно изменился. А новый… мне почему-то совсем не нравится.

Вот только мне не удается сообщить о своем желании, как из глаз Кости исчезают все лишние эмоции. Остается только дружелюбие.

— Я просто хочу открыть сеть таких кафе в городе, поэтому мне было важно твое мнение, как одного из «старых» его ценителей, — улыбается ничего не значащей улыбкой.

— Сеть? — мои брови ползут вверх, не помню, что Костю интересовал общепит, но все меняется. — Это… круто, — другие слова не приходят в голову.

— Спасибо, — он делает глоток «горечи» из своей чашки. — Это, конечно, геморрой еще тот. Нужно подыскать подходящие места. Желательно, как здесь, рядом с университетом. Или недалеко от каких-нибудь офисов, чтобы проходимость была большая. Разобраться со всеми проверяющими организациями. Потом думать о расширении штата… — резко замолкает, сужает глаза. — Ты же сейчас в декрете, да? — спрашивает аккуратно. Кожа покрывается мурашками, но я все-таки киваю. — Отлично! — необъяснимое воодушевление звучит в голосе мужчины. — Тебе случайно не нужно подработки? Я помню, что ты с цифрами «на ты», а мне от предыдущего владельца досталась адски запутанная бухгалтерия. Не представляю, как он еще продержался столько лет, не разорившись, без четкого документооборота, — осуждающе мотает головой. — В общем, могла бы ты помочь мне с ней разобраться, пока я занимаюсь расширением? — умоляюще смотрит на меня. — Я, конечно же, заплачу и официально тебя оформлю.

Предложение настолько неожиданное, что несколько секунд я просто сижу и хлопаю глазами. Но когда снова могу более или менее нормально думать, понимаю, что это мой шанс.

Мне нужно прямо сейчас становиться независимой от мужа. Мало ли какой финт ушами он вытворит в следующий раз. Может быть, действительно захочет нас с Дениской выставить из дома. Или решит, что заботиться о нас ему больше не нужно и просто перестанет помогать деньгами. У меня есть некоторые сбережения, но их надолго не хватит. На декретные тоже сильно рассчитывать не стоит. Можно, конечно, подавать на алименты, что я обязательно, в итоге, сделаю. Но мало ли, что может пойти не так.

Поэтому после недолгого раздумья, четко произношу:

— Я думаю, что смогу тебе помочь. Расскажи мне все.

Костя довольно улыбается.

Мы засиживаемся чуть ли не до обеда, обсуждая условия работы. Дениска просыпается и сразу начинает хныкать. Видимо, хочет кушать. Неудивительно, он так долго спал.

Быстро прощаюсь с другом, обещая, что приду завтра и уточняя, могу ли работать с ребенком. Костя, естественно, соглашается, после чего берет мой номер. Звонит мне, оставляя в пропущенных вызовах свой контакт.

Я убегаю домой максимально стремительно. Вот только стоит приблизиться к квартире, на мгновение застываю, чувствуя «дух» мужа. Мотаю головой, встряхивая из нее всякий бред. А когда открываю дверь и вместе с Дениской переступаю порог, еще раз убеждаюсь в том, что все придумала. Ведь в квартире стоит звенящая тишина.

Облегчение разливается по телу, колючими мурашками ползет по позвоночнику.

Вытаскиваю Дениску, который все еще похныкивает, из коляски и бегу на кухню, где храню молокоотсос и, на всякий случай, смесь.

Вот только стоит мне зайти в комнату, как сразу же прирастаю к полу. Взгляд сам по себе цепляется за столешницу, на которой лежит «согласие на расторжение брака»… смятое «согласие».

Глава 14

«Лана, нам нужно поговорить»

«Лана, твою мать, возьми трубку!»

«Лана…»

Одним движением смахиваю уведомления от мужа, в которых было с десяток сообщений и еще больше пропущенных вызовов.

Радуюсь, что вчера выключила звук. По крайней мере, смогла более или менее нормально поспать. Хотя все равно, иногда просыпалась… со слезами на глазах.

Кажется, что подсознание тоже решило поиздеваться надо мной. Оно то и дело подсовывало мне картинки нашего счастливого прошлого с Егором. Во сне я видела, как муж сделал мне предложение. Без какой-либо вычурности. На обычной набережной… Под дождем. Мы просто шли-шли, как вдруг Егор резко преградил мне путь, встал на одно колено, открыл черную бархатную коробочку, в которой находилось кольцо из белого золота с россыпью мелких бриллиантов. Именно в этот момент пошел дождь. Егор тут же подорвался на ноги, схватил меня за руку, начал оглядываться в поисках укрытия. А когда нашел, я не позволила утащить меня под крышу ближайшего здания, потому что сначала хотела сказать «да»…

Горло сводит, слезы собираются в уголках губ, сердце ноет, стоит вспомнить, как Егор надел кольцо мне на палец и поцеловал… под дождем.

Блокирую телефон, но экран снова «загорается».

Имя мужа, на которое падает мой взгляд, отдается резкой болью в груди. Отклоняю вызов. Кладу телефон на стол экраном вниз.

Где-то на краю сознания всплывает понимание, что, пока я не поговорю с Егором, он от меня не отстанет. Но я просто не готова. Не готова видеть предателя. Не готова причинять себе еще большую боль. Не готова обсуждать свою дальнейшую жизнь… без Егора.

Почему-то кажется, что муж просто так меня не отпустит. Можно назвать это чуйкой. Или я всего лишь проецирую свои страхи на реальность?

Не знаю. В любом случае, это неважно.

Сейчас главное разобраться с более насущной проблемой — первый рабочий день. Внутри все сжимается, стоит подумать о том, что мне нужно выйти на новую работу. До этого я работала только в компании мужа, а тут мой начальник — совершенно чужой человек, хоть и знакомый. Волнение крыльями бабочек порхает в животе. Делаю последний глоток сладкого кофе с молоком, немного заглушая горечь от страха. После чего подмигиваю Дениске, который забавляется с машинками, сидя в своем стульчике. Малыш пускает пузырь, вызывая у меня более широкую улыбку. Поднимаюсь на ноги, ставлю кружку в раковину, взглядом цепляюсь за «согласие», к которому я так и не решилась прикоснуться.

Дыхание перехватывает.

Егор вчера точно приезжал домой. Доказательством этого послужило не только «изменение» в согласии, но и отсутствие паспорта мужа. Хорошо, что меня не было. Боюсь, наша встреча ничем хорошим не закончилась бы. Вот только непонятно, почему Егор не дождался меня. Может, тоже решил, что нам рано разговаривать? Или… поехал снимать стресс к Алине?

Мотаю головой. Вот об этом я точно не хочу думать. Судорожно вздыхаю, резко разворачиваюсь, подхожу к сынишке и подхватываю его на руки.

— Ну что, готов к первому рабочему дню? — заглядываю малышу в глазки, которые так сильно похожи на его отца.

Скулы сводит от подступивших слез. Приходится прикусить губу, чтобы их сдержать. Мне требуется несколько секунд и парочка рваных вдохов, чтобы справиться с накатывающей истерикой, после чего шумно выдыхаю, засовываю телефон в карман брюк и иду в коридор.

Кладу Дениску в коляску. Малыш из-за цвета костюмчика, состоящего из теплой кофточки и штанишек, почти сливается с темно-синей обивкой. Не могу сдержать улыбку, насколько мило это выглядит.

Обуваю кроссовки, даже несмотря на то, что сегодня оделась строго: бордовую блузку и черные расклешенные брюки. Ненавижу каблуки. В последний раз надевала их, когда…

«Собиралась на свидание к мужу и хотела сделать ваш вечер особенным», — подсказывает внутренний голос.

Сердце болезненно сжимается.

Он и вышел… особенным.

Несколько раз моргаю, ослабляя жжение в глазах. Да уж… когда я уже приду в норму? Прекращу страдать? Избавлюсь от чувств к мужу?

Ни на один вопрос у меня, к сожалению, нет ответа. Поэтому я просто вывожу коляску с сыном из квартиры и запираю дверь.

До моей новой работы мы с Дениской добираемся в рекордные сроки. Меня подгоняет смесь тревоги и предвкушения. Костя говорил, что в документах — настоящий бардак. А это то, что сейчас нужно. Если я сосредоточусь на цифрах, тогда, возможно, перестану себя мучать воспоминаниями о нашей с Егором жизни и вопросами «почему?».

Поэтому не колеблюсь, когда распахиваю знакомую стеклянную дверь и захожу в кафе. Рабочий день еще не начался, поэтому посетителей нет. Зато Настя в джинсах и белой футболке пробегает мимо. Видит меня, тормозит, широко улыбается.

— Добрый день. Константин Владиславович сказал, что вы у нас займетесь бухгалтерией. Добро пожаловать. Это, — указывает головой на тучную женщину в черном спортивном костюме, которая моет пол у дальних столиков в кафе. — Валентина. А я — Настя, — протягивает мне руку, — приятно с вами познакомиться.

— Лана, — кое-как выдавливаю из себя, находясь в приятном шоке из-за такого воодушевления девушки.

Настя пожимает мою руку, а сама косится на Дениску.

— А это…? — в ее голосе звучит плохо скрываемое любопытство.

— Денис, — представляю сына.

— И тебе привет, — Настя протягивает руку моему сыну, а он тут же хватает ее за палец, при этом так внимательно всматривается в лицо девушки, будто хочет запомнить каждую ее частичку. Не проходит и несколько секунд, как малыш надувает огромный пузырь и лопает его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.